

Мне повезло, может быть, больше, чем иным читателям этой поэмы. Её мне читал сам автор за месяц до публикации в «Нашем современнике». Не потому что я такой особенный или знаю Юрия Поликарповича лучше других... правда, я у него учился в Литинституте, но, как говорится, «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Совсем нет, просто я оказался в нужное время в нужном месте. Так что, господа поэты, прошу не завидовать поэту, живущему в провинции, но узнавшему об этом явлении Литературы раньше москвичей. Ну, что было, то было...

А сейчас серьёзно. Поэма действительно великая — наверняка, лучшее из того, что поэт написал за все годы своего творчества. Кто внимательно прочитает поэму, тот, конечно же, поймёт, что вся жизнь поэта была посвящена лишь титанической подготовке к написанию этого шедевра!

Журнал с поэмой уже несколько месяцев лежит на моём письменном столе. Журнал давно растрепался от постоянного перелистывания страниц, как волосы женщины от мужских ладоней, но глаголы не затёрлись, а, наоборот, приобрели чёткую форму, как стальная отливка после того, как металл уже перестал плескаться, остыл и успокоился, сконцентрировав всю энергию плавки внутри слитка.

Русская поэзия должна оторвать свою толстую ленивую задницу от многочисленных колен, набежавших на Москву за последние десятилетия князьков и царьков. Выдернуть из ушей, как серные пробки, «трели соловья» и упасть перед Ю.Кузнецовым на колени! Потом уж по-бабьи можно сморкаться в платок или реветь белугой, но сначала — упасть на колени!

А как откликнулась на неё наша патриотическая интеллигенция? А никак. Она занята новыми распрями... между собой. Бей своих, чтоб чужие боялись. Как написали мне в недавнем послании из Москвы: «Дело в том, что эта распря у патриотов вступила в новый виток: «вдруг» оказалось, что Вадима Кожинова любили и уважали отнюдь не все! Теперь патриоты, ясное дело, осаждают все редакции, кроме «НГ-экслибрис» и «Литературных вестей», всем надо высказаться по этому поводу».

А мне глубоко плевать на эти мелкие распри! Не это главное сейчас. А главное сейчас — понять это планетарное явление, невольными свидетелями которого мы оказались. Я говорю о поэме Юрия Кузнецова:

*Свет перед нами летел
над волнами эфира,
Мне открывалось иное
сияние мира.*

*Полный восторга и трепета
я произнёс:*

— *Мы над Землёй?*
— *Над Вселенной!* —
ответил Христос...

А круче уже никто не скажет.
Кузнецов — Первый!

И, как бы ни ёрничал Ю. Лопусов в своей (надеюсь, дружеской) эпиграмме на Ю. Кузнецова:

*Язычник по натуре и манере,
Он обратил свой взор
к Христу и вере.
Теперь в поэзии всемирной два
гиганта:
Ю.Кузнецов и чуть поменьше —
Данте.*

В одном прав Лопусов, что теперь Юрий Кузнецов, по написанию этой поэмы, стал столпом мировой поэзии! А в нашем дорогом отечестве своим трудом поэт всколыхнул почти забытый жанр — поэмы. Ведь кроме «Василия Тёркина» Александра

Твардовского никаких других поэм наш народ читать не заставишь...

Поэт мощен и грозен, как олимпиец. Что ему досужие слухи и мнения современников:

*Ночью вытащил я из лба
Золотую стрелу Аполлона*

Одним из первых олимпийский глагол в Кузнецове заметил один из лучших русских критиков Владимир Бондаренко: «Для меня Юрий Кузнецов — один, быть может, последний олимпийский поэт. Он идёт не то чтобы от русской национальной традиции, а скорей от Древнего Рима и Древней Греции...»

Очень точно сказал далее Бондаренко и о предыдущей поэме Юрия Кузнецова «Путь Христа». Путь Кузнецова ко Христу во многом идёт через восприятие олимпийских богов, через восприятие Зевса. Для традиционного христианского ортодоксального взгляда это непривычно. Вроде бы Владимир Бондаренко предупредил народ, подсказал, чтоб меняли одни мерки на другие... ан нет!

Читаю статью Н. Переяслова о поэме Кузнецова «Сошествие в ад», которая вызвала у автора статьи наибольшее количество размышлений, и во что же вылились эти размышления?... В обвинение в «откровенной» ереси и «закоренелом» материализме. С высоты православного негодования (а кто поднял на эту высоту

критика, я не знаю) Переяслов раскладывает поэму на голливудские эпизоды, а некоторые герои поэмы напоминают ему кадры из американских же фильмов про Робокота и Терминатора. В этом тяжёлом случае я бы посоветовал критику поменьше смотреть американские боевики и побольше читать русские былины и мифы Древней Греции. Нельзя быть православней православного! Я ведь тоже по менталитету православный человек. И меня раздражает, когда юноши начинают вещать, как «оракулы». Конечно, миром правят молодые, но, когда состарятся, — заметил Б.Шоу. Мы более семидесяти лет не говорили о Боге, нам-то как должно быть интересно... ан нет!

Глупо поучать Кузнецова, он ведь не советский октябрёнок, готовый слушать всех и вся. А Николаю Переяслову я бы по-товарищески посоветовал ещё не один раз прочитать поэму, постараться вникнуть в её спрессованный, высококультурный пласт и понять то, что услышал.

Но, к сожалению, русские люди пока не услышали своего поэта, который только одними глаголами расправился с её врагами.

А представим на миг, что поэт ТАКОГО уровня родился в другом государстве, у другой нации, с ТАКОЙ поэмой? Все бы крупнейшие библиотеки страны стояли на ушах, в школах и вузах

проходили бы многолюдные конференции, люди бы спрашивали друг у друга, где можно купить поэму, а на всех экранах TV — мэтр, сняв пиджак, читал бы свои стихи народу...

А ведь у Пушкина и Лермонтова нет ничего подобного. Данте? Но у него местечковые замашки — в ад он загнал в основном своих личных врагов, а Вергилий у него за экскурсовода...

У Кузнецова же грешники, брошенные в бездну, — представители всех эпох и народов. Правда, наши критики вменяют автору в вину, что своей собственной волей он загнал в ад на вечные муки и Ивана Грозного, и Иосифа Сталина, и Павлика Морозова, и Эйнштейна... Возьмём хотя бы последнего — не напор поэмы определил учёного в когорту грешников, но собственный жизненный путь и поступки Альберта.

Если не врёт «всемирная паутина» и размещённая там «Книга судеб», то Эйнштейн не только «попался на атомной бомбе», но и на письме, адресованном Адольфу Гитлеру в 1934 году совместно с другим грешником Томасом Манном, — в защиту немецких педерастов. А человечество помнит, что сделал Господь с Содомом и Гоморрой! До сих пор где-то хранится высушенный мозг Эйнштейна — кто-то, видимо, надеется увидеть гениальных клонов, забывая, что

у Альберта от двух женщин уже были дети-дебилы, которых он забыл. Ну, так где ему быть, в раю или в аду? Жалко, конечно, Павлика Морозова, дитя ведь ещё, но предал отца. Сказано: возлюби отца, как Меня Самого... А значит, пример моей пионерской эпохи предал и Господа Бога! Где ему быть? А его горячие головы готовы причислить к лику святых. Нельзя, братцы, быть такими добрыми за счёт уже наших детей и внуков, которые робко начинают заглядывать в церковь. Лучшее, что они могут сделать, — это отшатнуться от таких «героев», худшее — повторить их «подвиги».

В аду нет надежды! А в поэме Кузнецова есть. И поэт прав. Ибо вечные муки всё-таки искупают хоть маленькую частичку огромного греха. О Сталине написано так:

*Всё-таки Бог его огненным оком
призрел:
Раньше по плечи, теперь он
по пояс горел.*

Об Иоанне Грозном:

*Очи смежив, он сидел
на обугленном тне,
Крепко стонал и дремал
временами во сне.
Прежде по плечи горел,
а теперь по колени...*

Надежда остаётся! Но только не у предателей Отечества.

Шведский прихвостень Мазепа, немецкая сука — Власов, рязанский князь Олег, князь Курбский «аки пёс смердящий», — измена не прощается и адом, не зря и муки у них всех одинаковы, в назидание грядущим изменникам хочу привести эти муки полностью:

... и вечные муки,
К чёрному солнцу вздымал
он дрожащие руки,
Мрачно молился, не видя
уже ничего.
Пали руки, за горло хватая
его.
Так на огне и держали обвисшее
тело
На посрамленье души, и оно
закоптело.
Чёрный язык вылезал,
как змея, изо рта.
Что происходит? —
мой спутник поверил едва ли.
Это предатель, — сказала я
в глубокой печали.
— Русский предатель.
Он душил себя самого.
Так принимает он казнь
не от мира сего.

Пускай задумаются нынешние изменники — калугины и резуны, что их ждёт ТАМ... Не зря в аду оказались и авторы «расстрельного письма», забывшие заповедь: «НЕ УБИЙ!» Они не личные враги Юрия Кузнецова, как в случае с Данте, а враги моего Отечества и Небесной России. Скольких Господь

уже зачеркнул своим пером, а? Грех предательства наказуем.

Много в поэме прекрасных женских образов. Начну с пра-матери, с Евы:

Тут я услышал, как Ева Адаму
сказала —
Этот живой! — и, стыдясь,
на меня указала.
Тут я заметил, как сильно
смутилась она.
Так и осталась в ней дева
на все времена,
Так и стоит, прикрывая одною
рукою
Белые горы, а тёмный
приговорок — другою.

Как целомудренно поэт коснулся образа Евы, одним лишь намёком показав её прекрасную наготу. У иного это бы получилось и грязно, и пошло... А как написана сцена страстных любовников, сгоравших от страсти когда-то на земле, а теперь горящих в двух кострах: Жанны д'Арк на одном и барона Жиля де Рэ на другом, — того самого барона, известного ещё и под именем Синяя Борода:

О, как близки! Дай же руку
во имя любви!
— Руку и сердце! — рыдала она
в забытыи.
Тщетно друг к другу тянули
они свои руки:
Не сокращался никак
промежуток разлуки.
Ногти на пальцах горели —
и змеи огня

*Их удлинляли, горячую память
храня.
Только их блики встречались
во тьме промежутка
И целовались, как голуби,
кротко и жутко.*

Не менее сильные сцены у Грозного и Анастасии, Тютчева и Денисьевой, чтоб полностью получить, как пишут московские критики, «настоящее эстетическое наслаждение», — нужно всё прочесть самому, своими глазами.

Пронзительные строки о любви. А что может быть божественнее её? Человек-Христос одарил их такими дарами? Нет, но Бог Христос!

И Он же автору:

*И начертал карту ада горящим
перстом
Прямо на воздухе. Вот она,
Божия милость!
Звёздная карта мерцала,
горела, дымилась...*

И автор поймал левой рукой часть карты, которая уместилась в ладони и... этого хватило, чтоб пройти всего лишь через маленькую часть Бездны и написать Великую поэму о ней! Хочу ещё сказать и о мистическом образе, скрывающемся в зелёной ветке омелы:

*Молнии злости Христа оперили,
как стрелы,*

*Он их стряхнул — и зелёную
ветку омелы
Бросил в противника острым
обратным концом.
Пал Сатана на колени
и рухнул лицом...*

Ветка омелы встречалась уже нам однажды в предыдущей поэме Ю.Кузнецова «Путь Христа». Но мало кто знает, что это растение, растущее между небом и землёй и не имеющее своих корней, являлось самым разрушительным оружием ещё в скандинавских сагах. Вот из какого культурного пласта вырвал её автор, разрывая другие.

Мне показалась, что поэма Ю. Кузнецова «Сошествие в ад» — как та зелёная ветка омелы, брошенная поэтом на главном ристалище в наших врагов. И которая их поразила, как нечистую силу в поэме, сбила с ног и ткнула мордой в грязь действительности. Жрите, ребята-демократы, давитесь, глотая свои плоды разложения. И уже во веки веков — вы и ваши дети будут гнить вместе в этой яме под названием ад. В которую смёл вас русский поэт Юрий Кузнецов.

Когда пишут ныне необоснованно растиражированные Мандельштам, Пастернак или Бродский — виден глазомер, ум и стопка русских литературных словарей. Но нет глубинного живого русского языка. Который им, к сожалению, по какой-то

причине недоступен. Если прочитаешь их стихи спокойно, без газетно-журнальной мишуры — скажешь, что эти стихи писали люди, но не гении... Когда же пишет Юрий Кузнецов, то стихи его вздымаются, как планетарные валы мировой истории. Кипит на гребнях волн суть и бытие поэта, всё: знание, язык, душа и сердце — сконцентрированы для точного удара, способного пробить Вечность!

Так бьют чемпионы мира по боксу. Сперва, опираясь на всю правую стопу, резко пошло бедро, закручивая корпус, затем, набирая скорость, плечо выбрасывает пока ещё расслабленную руку, и только в последний момент завершения удара вся сила

телесная сходится в стальном кулаке, который сметает всё на своём пути. То же самое происходит и с духовной силой поэта.

Поэма неисчерпаема. В ней заложено развитие грядущих поэтов. Которые, вспорхнув с ветвей этого могучего Древа, разнесут по миру семена-образы. А наиболее талантливые и могучие станут прорасти сразу от корней, разламывая спрессованную каблуками поклонников и почитателей поэта Русскую землю.

Хотя мэтр говорил мне, что эта поэма москвичам не по зубам, думаю, что он ошибался. Найдутся в белокаменной умы, которые напишут и лучше меня, и глубже, и может быть даже — борозду испортят.